

НЕКОТОРЫЕ БАЛТО-ПАЛЕОБАЛКАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

(На материале современных южнославянских языков)

В. РИМША

В настоящей статье анализируются некоторые специфические балто-южнославянские лексические соответствия, на существование которых обратил внимание уже Л. Гейтлер. Й. Басанавичюс нашел много новых балто-южнославянских параллелей и трактовал их как наследие фракийского языка¹, из которого, по его мнению, произошли балтийские языки². Подобного мнения о происхождении балтийских языков придерживался и латышский ученый К. Каспарсон³. Взгляды Й. Басанавичюса и К. Каспарсона о степени родства балтийских и палеобалканских языков следует пересмотреть, учитывая, что современные ученые твердо установили, что балты уже в начале II тысячелетия до н.э. населяли большое пространство северо-восточной Европы, в том числе и бассейны Немана и З. Двины⁴, значительно отдаленные от палеобалканской территории. Современные ученые еще не пришли к единому мнению о степени родства балтийских и палеобалканских языков, однако факт, что эти языки сохранили большое количество общих элементов, в настоящее время уже трудно оспаривать⁵.

¹ См. J. Basanavičius, Apie trakų prygų tautystę ir jų atsikėlimą Lietuvon, — Lietuvių Tauta (далее: LT), III(1), V., 1921 (далее: Basanavičius TPT), с. 127 и там указанную литературу; J. Basanavičius, Mano gyvenimo kronika ir nervų ligos istorija 1851—1922m., — LT V, V., 1936, с. 33.

Basanavičius TPT 1—168; J. Basanavičius und A. Srba, Ueber die Sprachverwandtschaft der alten Thraker und heutigen Litauer, — LT III(3), V., 1925, с. 485—505; J. Basanavičius, Trakių kalbos likučiai vietų varduose lietuvių kalbos šviesoje, — LT III(3), V., с. 505—563, и др. работы.

³ K. Kasparsons, Parallèles, — Filologu Biedrības Raksti (далее: FBR), XVIII, Rīgā, 1938, с. 52—65; его же, Aizvēstures atbalsis valodā, — FBR XIX, Rīgā, 1939, с. 57—74; его же, Illyrica, — FBR XX, Rīgā, 1940, с. 188—204.

⁴ M. Mažiulis, Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija), Vilnius, 1970 (далее: Mažiulis), с. 321—322 и там указанную литературу; S. Karaliūnas, Trakiškios lietuvių kilmės teorija, — „Pergalė“, 1971, Nr. 1 (далее: Karaliūnas TLKT), с. 145.

I. Duridanov, Thrakisch-dakische Studien, I: Die thrakisch und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen, Sofia, 1969, с. 100; V. Pisani, Baltisch, Slavisch, Iranisch, — Baltistica,

Так как лингвисты того времени скептически отнеслись к научному открытию Й. Басанавичюса, найденные балто-южнославянские соответствия не получили широкой научной интерпретации.

Вновь их открыл В. М. Иллич-Свитыч. Он составил список балто-южнославянских лексических соответствий из нескольких десятков слов; некоторые из них привел С. Б. Бернштейн в своей книге „Очерк сравнительной грамматики славянских языков“, М., 1961 (далее: Бернштейн), с.74–75. Об этих соответствиях В. М. Иллич-Свитыч говорил и в дискуссии на IV Международном съезде славистов⁶.

Позже список В. М. Иллич-Свитыча дополнили О. Н. Трубачев⁷ и И. Дуриданов⁸.

В списке В. М. Иллич-Свитыча доминируют болгаро-балтийские соответствия⁹, а О. Н. Трубачев, кроме новых специфических болгаробалтийских соответствий, приводит целый ряд сербохорватских слов, соответству-

V(2), 1969, с. 140; J. Kazlauskas (peu.): I. Duridanov, Thrakisch-dakische Studien, I, — Linguistique Balkanique, XIII, 2, Sofia, 1969, — Baltistica, VI(1), 1970 (далее: Kazlauskas), с. 125–126; Karaliūnas TLKT 147–148 (ср. его же Dar kartą apie lieuvių kilmę, — Mokslas ir gyvenimas, 1971, Nr. 1, с. 17–19); В. Н. Топоров, К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры, — Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная библиотека (23–24 мая 1972 г.). Предварительные материалы (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации), М., 1972, с. 24–38; I. Duridanov, Die Stellung des Thrakischen im Kreise der indoeuropäischen Sprachen, — Thracia I. Primus congressus studiorum thraciorum, София, 1972, с. 231–244; В. Н. Топоров, К фракийско-балтийским параллелям, — Балканское языкознание, М., 1973 (далее: Топоров БЯ), с. 30–33; его же, Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топониматики, — Проблемы индоевропейского языкознания, М., 1964 (далее: Топоров ПИЯ), с. 52–58 и там указанную литературу. Кроме того, интересно отметить, что на Правобережной Украине ареал палеобалканской гидронимии соприкасался с ареалом балтийской гидронимии (см. О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины, М., 1968 (далее: Трубачев НРПУ); его же, Из опыта исследования гидронимов Украины, — Baltistica, IV(1), 1968, с. 31–53 (особенно см. карту на с. 51)).

⁶ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, II, М. (далее: IV съезд), с. 436–437. В этимологическом словаре болгарского языка С. Младенова имеются некоторые сопоставления болгарских слов с балтийскими, но, по утверждению С. Б. Бернштейна, из этих сопоставлений автор словаря не сделал никаких выводов (Бернштейн 73).

⁷ О. Н. Трубачев, О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи), — Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов, М., 1963 (далее: Трубачев СЯ), с. 190–193.

⁸ I. Duridanov, Südslaw. *brōkati, *brōkati und seine baltischen Entsprechungen, — Baltistica, VII(1), 1971, с. 49–51; его же, Südslaw. *svędr- : lit. svėndras und Zubehör, — Baltistica, IX(1), 1971, с. 53–55.

⁹ Бернштейн 74–75; IV съезд 436–437.

ющих балтийским¹⁰, С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч и О. Н. Трубачев из этого делают предположение, что между балтийскими и южнославянскими языками когда-то были контакты, которые привели к формированию локальных балто-славянских изоглосс¹¹. С. Б. Бернштейн утверждал, что существовали наиболее тесные контакты балтийских языков с болгарским¹². В. М. Иллич-Свитыч выдвинул гипотезу, что одна из переходных областей между славянскими и балтийскими языками „первоначально была занята предками современных южных славян, точнее — их восточной ветви“¹³. О. Н. Трубачев, опираясь на открытый им новый материал, предполагает „более интимную близость сербохорватско-словенского и балтийского (рядом с болгарским и македонским)“¹⁴.

В. В. Мартынов придерживается очень интересного мнения, что многие балто-южнославянские (литовско-болгарские) изоглоссы следует считать лексическими проникновениями из балтийских (даже восточнобалтийских или литовского) в южнославянские (болгарский) языки в течении нескольких столетий интенсивных контактов южных славян (болгар) с восточными балтами в районе Припятского Полесья¹⁵.

Но данные топонимии, кажется, вышеуказанных гипотез не подтверждают. Оказалось, что больше всего соответствий южнославянской гидронимии на территории Правобережной Украины найдено на Днестре¹⁶. Этот факт позволяет думать, что уже в праславянские времена южные славяне, в отличие от других славянских племен, не были непосредственными соседями балтов, как предполагают вышеупомянутые языковеды, а имели связи и даже совместно жили с так называемыми палеобалканскими народами (илирийским, дакийским, фракийским)¹⁷.

Другие языковеды южнославянские слова, имеющие балтийские соответствия, считают славянскими архаизмами¹⁸. Видимо, подобного мнения

¹⁰ Трубачев СЯ 190—192.

¹¹ Бернштейн 70, 75; IV съезд 436—437; Трубачев СЯ 195.

¹² Бернштейн 75.

¹³ IV съезд 436.

¹⁴ Трубачев СЯ 195.

Лексічныя балтызмы ў беларускай мове, Мінск, 1969 (далее: ЛББМ) (ответ В. В. Мартынова на анкету), с. 23; см. также: В. В. Мартынов, Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен, Минск, 1973 (далее: Мартынов ПБ).

¹⁶ Трубачев НРПУ 270—272.

¹⁷ О наличии палеобалканской гидронимии на Правобережной Украине, в том числе и на Днестре, см. Трубачев НРПУ и там указанную литературу

¹⁸ Ср. реконструкции праславянских архетипов в С. Младенов, Етимологически и правописень речникъ на българския книжовень езикъ, София, 1941 (далее: Младенов).

придерживается и чехословацкий этимолог В. Махек, напр., считающий обнаруженное в Восточной Моравии, в валашском диалекте, слово *lomiti* со значением „установить“, „хотя словоупотребление ограничено очень маленькой областью“, родственным с лит. *lemti* с тем же значением, а чеш. вулг. *čabřit* „идти медленно“ — с лит. *kiobrinti*. По мнению В. Махека, в славянских языках „таких остатков, реликтов, достойных внимания, несомненно, найдется еще много“ Чехословацкий этимолог обращает внимание языковедов „и на диалекты русского языка, польского языка и т.д. Нет ли в словарном составе этих языков забытых слов, сходных с литовскими и латышскими?“¹⁹.

Но нельзя ли эти слова, которые В. Махек считает славянскими реликтами, исконнородственными с балтийскими соответствиями, трактовать как реликты балтийских, палеобалканских или „центральноевропейских“ языков, близкородственных балтийским? В связи с тем, что найдены следы балтийской топонимии далеко на востоке²⁰ и западе²¹, а также большое количество параллелей балтийским топонимам на всей Центральной Европе до

¹⁹ IV съезд 438.

²⁰ См. работы В. Н. Топорова: „Baltica“ Подмосковья, — Балто-славянский сборник, М. 1972, с. 217—280; О балтийском элементе в Подмосковье, — *Baltistica*, I priedas, 1972, с. 185—224; см. также: В. В. Седов, Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья, — Древнее поселение в Подмосковье, М., 1971, с. 99—113, и др.: языковеды замечают наличие балтийских гидронимов даже на самом востоке Волго-Окского междуречья, о чем см. В. В. Седов, Из гидронимии Волго-Окского междуречья, — Питання ономастики, Київ, 1965, с. 288 и сл.; Ф. И. Гордеев, Балтийская гидронимия Волго-Окского междуречья, — Конференция по топонимике Северо-Западной зоны. Тезисы докладов и сообщений, Рига, 1966 (далее: КСЗ), с. 103—106; Л. Л. Трубе, О балтийских элементах в гидронимии Горьковской области (в связи с определением восточной границы древнего расселения балтийских племен), — КСЗ, с. 106—108; далеко на востоке славянских языков (в Подмосковье и еще дальше). В. Н. Топоров обнаружил большое количество лексических балтизмов, о чем см. его работы: Балтизмы в русских говорах, — Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения акад. Я. Эндзелина, Рига, 1973, с. 43—46; Из истории балто-славянских языковых связей: *анцијтка*, — *Baltistica*, IX(1), 1973, с. 29—44.

²¹ См. В. Н. Топоров, К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы, — *Baltistica*, I(2), 1965, с. 103—111; H. Schall, Baltische Gewässernamen im Flußsystem „Obere Havel“ (Südost-Mecklenburg), — *Baltistica*, II(1), 1966, с. 7—42; Hermann Schall, Preußische Namen längs der Weichsel (nach Lucas David, ca. 1580), — *Donum Balticum. To Professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March, 1970*. Edited by Velta Rūķe, Draviņa, Stockholm, 1970, с. 448—464.

Адриатического моря²², включая множество балто-палеобалканских глосс, постановка такого вопроса становится возможной²³.

Лингвогеографический критерий²⁴ позволяет нам предполагать, что многие южнославянские слова, имеющие соответствия в балтийских, но не имеющие в других славянских языках, могут быть результатом влияния палеобалканского субстрата: ведь южные славяне пришли в земли палеобалканских народов, следовательно, палеобалканское влияние должно иметь следы в южнославянских языках²⁵; кроме того, палеобалканские языки повлияли на южнославянские еще в праславянские времена на Правобережной Украине (см. выше); а в палеобалканских языках, как мы упоминали выше, было много элементов, общих с балтийскими языками²⁶.

Далее мы приводим некоторые специфические балто-южнославянские соответствия, анализ которых, по нашему мнению, подтверждает выдвигаемую нами гипотезу.

1. Лит. *mėlžiū, mėlžti (milžti)* „доить“ — ст.-сл. *млѣзѣи*, болг. *млѣзѣя*, с.-х. *mǫzēm*, словен. *mólzem*, русск.-цслав. *млѣсти* „то же“ (ср. мор.-славц. *mlze* „сосет [о детях, телятах]“); ср. русск. *молóзиво*, укр. *молóзиво*, польск. *mlodzivo*, чеш. *mlezivo* и *mleziva*²⁷ (глагола, соответствующего обще-

²² К. Турнвальд эти параллели считает балтийским реликтом, см. K. Turnwald, Die Balten des vorgeschichtlichen Mitteleuropas, — *Archaeologija un etnografija*, VIII, Rīgā, 1968 (далее: Turnwald), с. 135—147.

²³ Мнение, что многие балто-восточнославянские и балтозападнославянские лексические соответствия могут быть балтизмами, уже известно в научной литературе, см. ЛББМ (особенно ответ на анкету В. В. Мартынова на с. 23—28 и ответ Г. А. Цыхуна на с. 50); Мартынов ПБ.

²⁴ О нем см., напр.: А. А. Вяржбоўскі, Балтызмы ў беларускай мове (метадылогія і крытэры даследавання), — *Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук*, Мінск, 1959, № 2, с. 122; А. А. Вержбовский, Белорусско-литовские лексические взаимосвязи. Автореферат кандидатской диссертации, Вильнюс, 1961, с. 20—21; Ю. А. Лаучюте, Лексические балтизмы в славянских языках. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1971, с. 7; ее же, Лексические балтизмы в славянских языках, — *Вопросы языкознания*, 1972, № 3, с. 108—109; см. также сноску 23.

²⁵ Как утверждает С. Б. Бернштейн, субстрат оказал большое влияние на южнославянские языки (особенно фракийский болгарскому), см. Бернштейн 84—85.

²⁶ Интересно, что Й. Казлаускас в рецензии на вышеупомянутую книгу И. Дуриданова (Kazlauskas 126) писал, что после выхода в свет этой книги особенно важным становится исследование южнославянско-балтийских языковых контактов. Возможно, ученый в таком исследовании как раз и предвидел возможное палеобалканское происхождение многих из таких южнославянских слов, у которых имеются балтийские соответствия, но их нет в других славянских языках.

²⁷ Бернштейн 74; Трубачев С Я 190; Младенов 310; М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка* (далее: Фасмер), II, М., с. 644—645; Н. В. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, *Краткий этимологический словарь русского языка*, М., 1961

славянскому имени *молозиво*, в восточно- и западославянских языках нет²⁸, видимо, за исключением др.-русск. *мѣлсти* „пахтать масло“ и мор.-слвц. *mlze* „сосет (о детях, телятах)“, которые по сравнению с южнославянскими глаголами имеют другие значения); с.-х. *муза* „дойная корова“, русск. *молост*, др.-польск. *mlost* „*Milchtopf*“, с.-х. *mlāz* „*soviel beim Melchen auf einmal hervorschießt*“³⁰; возможно, исконнородственными вышеупомянутым словам являются и ст.-слав. *млѣко*, русск., укр. *молоко*, польск. *mleko*, чеш. *mléko*, болг. *млеко*, с.-х. *мљѣко*, *млѣко*, словен. *mléko* и другие славянские слова, хотя в настоящее время многие лингвисты склонны считать эти слова заимствованием из германского³¹. Имеются производные слова от *-e*- корня *mel-g* и в других и.-е. языках, напр., греч. *ἀμῆλω* „дою“, лат. *mulgeo* „то же“, алб. *mjel* „*melke*“, др.-инд. *mārṣi*, *mjāti* „стирает, чистит“, авест. *marəzaiti* „стирает“, тох. АБ *malk-*, А *mālk-* „донить(ся)“, А *malke*, Б *malkwer* „*Milch*“, ирл. *bligim* (инф. *blegon*) „дою“, *mlicht*, *blight*, *melg*, кимр. *blith* „*Milch*“ д.-в.-нем. *mēlchan* „*melken*“, готск. *miluks*, д.-в.-нем. *miluh*, др.-англ. *mioluc* и др. „*Milch*“, др.-англ. *molcen* „*dicke Milch*“ и др.³²

Вместо ст.-сл. *млѣзѣ*, болг. *мѣлзѣ*, с.-х. *мљѣм*, словен. *mōlzet*, русск.-цслав. *млѣсти* „донить“ для этого значения в других славянских языках, а также как синоним вышеупомянутым словам и в южнославянских языках употребляется общеславянский глагол индоевропейского характера: др. русск. *доити* „донить, сосать“, русск. *доить*, укр. *доїти*, блр. *даіць*, польск. *doić* „донить“ (диал. также „давать молоко“), чешск. *dojiti* „донить, иметь, давать молоко (о животных)“, словацк. *dojit'* в.-луж. *dejić*, н.-луж. *dojs*, болг. *доя* „1) донить; 2) кормить грудью“, словен. *dojiti* „кормить грудью; сосать; донить“, ср. ст.-слав. *доити* „кормить грудью“, с.-х. *đojiti*, „1) кормить грудью; сосать грудь“. Интересно, что этот глагол в южнославянских языках употребляется и с другими значениями — „кормить грудью, сосать“, которыми он ближе к лтш. *dēt*, *dēju* „сосать“, *dēls* „*Sohn*“ арм. *diem* „сосу“,

(дальше: КЭСРЯ), с. 204; E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch* (дальше: LEW), Heidelberg, 1962, с. 434; V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1971 (дальше: Machek), с. 368; A. Walde — J. Pokorny, *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen* (дальше: Walde—Pokorny), II, Berlin und Leipzig, 1927, с. 299.

²⁸ Бернштейн 74.

²⁹ Фасмер II 644; КЭСРЯ 204.

³⁰ См. 27 сноску.

³¹ См. замечание О. Н. Трубачева в Фасмер II 646 и там указанную литературу; ср. мнение М. Фасмера II 645—646, который возражал против гипотезы о германском происхождении; ср. также: Младенов 300—301; КЭСРЯ 204, где эти слова считаются исконнославянскими.

³² Walde—Pokorny II 298; LEW I 434—435; Младенов 310; Фасмер II 645.

гот. *daddjan* „сосать“, др.-шведск. *dia* „сосать“, др.-в.-нем. *tāen* „кормить грудью“ (из герм. **dējan*), др.-инд. *dháyati* „сосет“, др.-греч. *θύσαστο* „сосал“, ирл. *dínim* „saugé“, русск. *дутья* и другим его славянским соответствиям; ср. др.-инд. *dhēnā* „*Milchkuh*“, лит. *pirm(a)dėlė* „самка (корова, свинья, кобыла) с первым приплодом“, *dėlė* „пнявка“ зоол. и т.д.³³

Скорее всего, переход значения от каузатива типа *поить* к „донить“³⁴ было праславянское и общеславянское новообразование, так как, вообще, значение „донить“ существует и в болгарском³⁵, и в словенском языках.

По-видимому, значения „кормить грудью“ и „сосать“ в южнославянских языках являются реликтом палеобалканского субстрата. Для обоснования такого предположения очень важно сопоставить ст.-сл. *доити* „кормить грудью“ с болг. *доя* „1) донить; 2) кормить грудью“, из чего видно, что в наиболее древней стадии болгарского языка еще незафиксированное значение „донить“ позже стало преобладать, вытеснив на второй план значение „кормить грудью“

Если бы мы считали значение „кормить грудью“ исконнославянским архаизмом в болгарском языке, встретились бы с неожиданным, немотивированным развитием значения:

1) Новое значение или новое слово может появиться под действием волны новообразования. Такая волна была возможна в праславянском ареале для всех славянских диалектов. Если это значение произошло бы лишь в ареале современных восточно- и западнославянских языков, следовало бы допустить, что оно должно было развиваться в болгарском, а также в словенском языках независимо от развития значения в восточно- и западнославянских языках. Однако предполагать такое независимое развитие гораздо труднее, чем допустить развитие этого значения однажды в праславянском.

2) Почему должно появиться новое значение „донить“, если с таким же значением уже употребляется болг. *мълзя*, а еще раньше употреблялось

³³ Фасмер I 522: Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 5 (Д, Е, Ж). Под редакцией Н. М. Шанского, М., 1973 (далее: ЭСРЯ), с. 155, 138, 36–37; КЭСРЯ 94, 89, 92; K. Mülenbachs, *Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papīdinājis, turpinājis J. Endzelīns* (далее: LVV), I. Rīgā, 1923–1925, с. 465, 463; *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, V., 1972, с. 566, LEW I 87.

³⁴ F. Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 1952, с. 152; также: ЭСРЯ I(5) 155.

³⁵ Здесь оно даже главное. Слово *доя* для значения „донить“ в литературном языке даже более популярно, чем *мълзя*; в болгарском литературном языке употребляются также и производные от *доя* *доене* „1) доение; 2) кормление грудью“, *добен*, *~йна*, *~йно* „дойный“, а от *мълзя* не употребляются (по данным словарей: Болгарско-русский словарь. Составил проф. С. Б. Бернштейн (около 45000 слов), М., 1953 (далее: БРС); Русско-болгарский словарь. Составил С. К. Чукалов, изд. 4-е (50000 слов), М., 1972 (далее: РБС)).

ст.-сл. *mlъzъ*? Ведь слово для *доения* — термин. А термины синонимов не любят, особенно нейтральных (синонимы обычно различаются экспрессивностью, а в этом случае оба слова стилистически нейтральны).

3) Если бы в болгарском языке значения слова расширялись, вытесняя другие слова по причине собственного развития, надо было бы допустить, что этот язык (хотя бы в этом случае) стремится к обеднению лексики (но ведь бедность лексики более свойственна примитивным языкам). Языковые факты такого предположения не могут подтвердить. Что *доя* со значением „кормить грудью“ и *доя* со значением „дойти“ не развились один из другого в болгарском языке, а являются омонимами, возникшими при скрещивании языков, думается, в некоторой степени подтверждает и тот факт, что для значения „кормить грудью“ сейчас в болгарском литературном языке уже больше употребляется *кърмѣ*, хотя даже в этом слове значение „кормить грудью“ употребляется лишь как второе значение — после главного „кормить; питать“³⁶. Слово *кърмѣ* также является славянским наследием³⁷; оно также сыграло свою роль в вытеснении *доя* „кормить грудью“ на второй план.

Совершенно невероятно было бы предполагать, что значение „дойти“, возникшее в праславянском, потом в старославянском было потеряно или стало реже употребляться, а позже снова возникло в болгарском языке.

В слов. *dojiti* победили палеобалканские значения, хотя употребляется и исконнославянское значение „дойти“ Лишь в с.-х. *dojiti* исконнославянские значения, видимо, не распространились.

Лтш. *dēt* „сосать“ (см. выше) и его южнославянские соответствия со значениями „сосать“ и „кормить грудью“ следует считать в некоторой степени балто-палеобалканскими семантическими соответствиями, имеющими соответствия и в других и.-е. языках.

Переход значения в словах типа русск. *дойть* от каузатива типа *поить* к „дойти“ и исчезновение и.-е. корня **mel-g* „дойти“ во всех славянских языках, за исключением тех, в которых действовал палеобалканский субстрат³⁸,

³⁶ По данным БРС и РБС.

³⁷ Младенов 265—266.

³⁸ Мор.-слвц. *mlze* „сосет“ (о детях, телятах), видимо, относится к тому же самому субстрату, ср. утверждение Т Сулимирского (T. Sulimirski, *Ancient Southern Neighbours of the Baltic Tribes*, — *Acta Baltico-Slavica*, V, Białystok, 1967, с. 12), что иллирийско-дакийская топонимия распространена до Южной Польши, а также гипотезу К. Турнвальда, по которой в Центральной Европе, в том числе и на территории современной Чехословакии, в предисторические времена жили балтийские племена (Turmwald 135—147). Значение „сосет“ (о детях, телятах) в мор.-слвц. *mlze* могло появиться от того, что место для значения „дойти“ заняло исконнославянское слово.

взаимосвязаны. Взаимосвязано и наличие ст.-сл. *млѣжъ*, болг. *млѣя*, с.-х. *mlǫžem*, словен. *mólzet*, русск.-цслав. *млѣсти* „донть“ наряду с более древними значениями „кормить грудью“ и „сосать“ для южнославянских соответствий русского *доить* и др., являющихся, по нашему мнению, палеобалканским наследием (см. выше). Значит, и ст.-сл. *млѣжъ*, и др. южнославянские соответствия следовало бы считать палеобалканским наследием, имеющим соответствия в балтийских и других и.-е. языках.

Такое наше предположение в некоторой степени подкрепляет и тот факт, что имеется албанское соответствие *tjel* „*melke*“

2. Лит. *dėšinyš-as* „правый“ (о руке, стороне), *dėšinė* „правая рука; правая сторона“ — ст.-сл. *десньнъ* „правый (о руке, стороне)“, *desnica* „*rechte Hand*“, болг. *дѣсен* „правый (о руке, стороне)“, *десница* „1) правая рука; 2) правая сторона“ и др., русск. (от ст.-сл.) *десный*, *одеснюю*, с.-х. *děsan*, словен. *děsan*³⁹. Имеются соответствия и в других и.-е. языках: др.-инд. *daksina-* „*tüchtig, geschickt, recht, südlich*“, ав. *dašina-* „*dexter*“, греч. *δεξιός* „правый (о руке, стороне)“, *δεξιτερός*, алб. *djahte*, лат. *dexter*, др.-ирл. *dess*, готск. *taihswa*, др.-нем. *zeso*, кимр. *deheu* „направо“⁴⁰. С. Младенов эти слова возводит к и.-е. **dek's-*⁴¹.

Другим славянским языкам этот корень несвойствен. О. Н. Трубачев, этимологизируя гидроним *Десна*, который „встречается как раз там (Чехия, восточное славянство), где неизвестен апеллатив *desnъ*, первоначальное распространение которого ограничивается южнославянскими языками“, пишет: „Конечно, можно было бы, как иногда делают в таких случаях, принять, что слово **desnъ* „правый“ было некогда известно также восточным и западным славянам, которые затем утратили его, сохранив следы употребления в ономастике. Трудно, однако, сказать, чтобы это было очень убедительное допущение, учитывая подозрительно широкие масштабы такого забвения. Мы полагаем, что прилагательного **desnъ* западные и восточные славяне не знали никогда“⁴².

По нашему мнению, ст.-сл. *десньнъ* и другие его южнославянские соответствия могли возникнуть из-за влияния палеобалканского субстрата. Так предполагать нам помогает и имеющееся албанское соответствие *djahte*.

³⁹ Бернштейн 74; Трубачев СЯ 190; Младенов 125, 157–158; LEW I 91.

⁴⁰ Младенов 157–158; LEW I 91; Fraenkel BS 110.

⁴¹ Младенов 157

⁴² Трубачев НРПУ 147

3. Лит. *šalnà* „заморозки“, лтш. *salna* — то же, ст.-сл. *слана* „изморозь, иней“, болг. *сланà* — то же, словен. *slàna* — то же, с.-х. *слàна* „иней; изморозь“⁴³.

То обстоятельство, что в других языках не имеется соответствий балтийским и южнославянским языкам (кроме финского *halla* „(Nach)-frost“, эст. *hall* „Reif (auf der Erde)“, которые заимствованы из балтийских языков⁴⁴), позволяет предполагать, что южнославянские слова унаследованы не от праславянского, а от палеобалканских языков.

Кроме того, в славянских языках отсутствует соответствующий глагол, а балтийские слова являются производными от лит. *šalti* „1) мерзнуть; забнуть; 2) замерзать“, лтш. *saļt* — то же⁴⁵.

Праславянская **solna*, которую восстановил С. Младенов⁴⁶, могла и не существовать.

4. Лит. *kálnas* „гора“, лтш. *kaļns* — то же⁴⁷, болг. диал. *кòлник* „проселочная дорога“, с.-х. *кòлник* „проезжая дорога; колесный путь“, рум. *colnic* „дорога в лесу через холм, гору; холм“⁴⁸. Имеются соответствия и в других н.-е. языках: лат. *collis* (из **coln-*) „Hügel, Anhöhe“, др.-сакс. *holm* „Hügel“, др.-англ. *holm* „Insel, Woge, Meer“ и т.д.⁴⁹.

Возможно, это сопоставление не попало в списки В. М. Иллич-Свитыча, С. Б. Бернштейна и О. Н. Трубачева по той причине, что в настоящее время принято болг. *кòлник* возводить к *колà* „1) повозка, телега, воз; 2) автомобиль“ (легковой)⁵⁰. Но с этим мнением вряд ли следует согласиться. Видимо, значения болг. *кòлник* „проселочная дорога“ и с.-х. *кòлник* „проезжая дорога; колесный путь“ могли развиться от „дорога (в лесу) через холм, гору, холм“, т.е. значения рум. *colnic* могут быть более древние, самое древнее из которых — „холм“ — близко к лит. *kálnas*, лтш. *kaļns* и совсем совпадает со значением литовского *kalvà* „холм“, лтш. *kaļva* — то же, имеющих другой суффикс, а также с лит. *kalnelis* „горка, пригорок“, *kalniūkās* то же

⁴³ Бернштейн 74; Трубачев СЯ 190; LEW II 960; LVV III 675; Младенов 589.

⁴⁴ LEW II 960.

⁴⁵ LEW II 960–961; LVV III 675–676.

⁴⁶ Младенов 589.

⁴⁷ LEW I 209–210; LVV II 143.

⁴⁸ G. Mihăilă, *Împrumuturi vechi sud-slave în limba română. Studiu lexico – semantic*, București, 1960 (далее: Mihăilă), с. 103; Н. И. Толстой (рец.): G. Mihăilă, *Împrumuturi vechi sud-slave în limba română. Studiu lexico-semantic*, București, 1960, — Этимология. Исследования по русскому и другим языкам, М., 1963 (далее: Толстой), с. 279; Младенов 246.

⁴⁹ LEW I 209–210; LVV II 143.

⁵⁰ Младенов 246, 245.

и т.п., имеющих тот же формант *kal-n-* и диминутивный суффикс. Правда, в сербохорватском языке имеются родственные слову *кѡлнѣк* слова: *кѡлнѣ*, $\sim \bar{a}$, $\sim \bar{o}$ „колесный“: \sim и *пут* „проезжая дорога“; *кѡлница* „навес, сарай для повозок, экипажей“ Но эти слова с указанными значениями, видимо, развились позже из-за народной этимологии, когда исчез палеобалканский язык, и люди забыли прежние значения слова *кѡлнѣк*. В болгарском языке *кѡлник* изолирован, т.е. не имеет этимологически родственных слов (*колѣ*, по нашему мнению, скорее всего, не является родственным).

Видимо, слово типа рум. *colnic* с указанными значениями (или лишь с более древним значением „холм“) могло существовать в дакийском языке, хотя *o* вместо *a* в этом слове могло возникнуть под славянским влиянием⁵¹ (в настоящее время это слово считается заимствованием из болгарского языка⁵², но, как мы указали выше, значения румынского слова, видимо, более архаичны, поэтому признать прямое заимствование из болгарского, по нашему мнению, неправильно).

Болг. *кѡлник* и с.-х. *кѡлнѣк* не могут быть унаследованы от праславянского языка, так как в случае исконнославянского происхождения этого слова произошла бы метатеза, т.е. вместо *колник* было бы **кланик*.

Менее вероятно предполагать, что рум. *colnic* и его южнославянские соотвества являются романизмами, т.е. их источником считать лат. *collis* „Hügel, Anhöhe“: ведь в таком случае вышеупомянутые слова были бы гибридами с лат. корнем *col-* и славянским суффиксом *-nik* (эти слова вряд ли могли унаследовать из латинского более древний корень **coln-*, так как в период романизации латинский язык, видимо, употреблял *coll-* вместо более древнего, реконструируемого **coln-*).

Также следует обратить внимание на то, что балтийские слова являются производными от глаголов лит. *kėlti* „поднимать“, лтш. *celt* — то же, имеющими соотвества в некоторых других и.-е. языках, а в славянских языках

⁵¹ Ср. рум. *doină* „elegisches Lied, Elegie, wehmütiges Volkslied“, *o* которого вместо закономерного *a* в рум. *daină* — то же, по мнению Duridanov 94, появилось из-за славянского влияния (предположение некоторых языковедов *o* заимствовании румынского слова из литовского языка или через славянское посредничество, по нашему мнению, невероятно). Но ср. фрак. *Гѡдрѣх* (Топоров БЯ 45), где *o*, видимо, должно быть исконнофракийским: *o* вместо ожидаемого *a* во фракийских названиях иногда появляется, видимо, от того, что фрак. * \bar{a} мог быть, аналогично балтийскому * \bar{a} (ср. Mažiulis 11—40; З. Зиянкявичюс, Развитие балтийского вокализма, — Балто-славянский сборник, М., 1972, с. 5—14), фонетически лабиализованным. Такое положение звука *a*, возможно, помогло этому звуку позже также и из-за влияния славянских языков, особенно в дифтонгах (типа *oi*, *oi* и т.п.), в румынском языке во многих случаях измениться в *o*.

⁵² *Michăilă* 103; *Dicționarul limbii române moderne*, București, 1958, с. 167; Толстой, 279.

соответствующих глаголов нет⁵³. Интересно отметить, что лит. *kėlias* „Weg, Straße, Bahn“, лтш. *ceļš* – то же, также являются производными от лит. *kėlti*, лтш. *ceļt*, что подкрепляет мнение о возможности перехода значения от „холм“ в „дорога“⁵⁴.

В данной статье нет возможности проанализировать все балтоюжнославянские лексические соответствия, указанные В. М. Иллич-Свитычем, С. Б. Бернштейным, О. Н. Трубачевым, И. Дуридановым и другими исследователями; однако из вышеизложенного можно предположить, что среди южнославянских слов, имеющих соответствия в балтийских языках, должно быть большое количество палеобалканских элементов.

EINIGE BALTISCH – URBALKANISCHE LEXIKALISCHE ENTSPRECHUNGEN

(Nach dem Material der gegenwärtigen südslawischen Sprachen)

V. RIMŠA

Zusammenfassung

In diesem Artikel werden einige südslawische Wörter analysiert, die keine Entsprechungen in den anderen slawischen Sprachen haben, sondern nur in den baltischen. Es wird vermutet, daß aslaw. *млѣжъ*, bulg. *млѣзѣ*, skr. *мијѣм*, slowen. *mólzem*, russ.-kslaw. *млѣсти* „melken“, aslaw. *десънѣ*, bulg. *дѣсен*, skr. *дѣсан*, slowen. *désan* „recht“, aslaw. *слана*, bulg. *сланѣ*, slowen. *slána*, skr. *сла́на* „Rauhreif“, bulg. *кѡлник* „Dorfstraße“, skr. *кѡлник* „Fahrweg“ in den südslawischen Sprachen wegen des Einflusses des urbalkanischen Substrats entstehen konnten.

⁵³ LEW I 209, 237–238; LVV II 143, I 369–370.

⁵⁴ LEW I 236.